

О ПРИРОДЕ ЯКОБИНСКОЙ ВЛАСТИ

А. З. Манфред

Великая французская революция — классическая тема мировой историографии. Как всякое большое общественное движение, Французская буржуазная революция XVIII в. навсегда сохранилась в памяти поколений. Более того, до сих пор вокруг этой вечной темы ведутся споры. До недавнего времени среди некоторой части ученых было распространено мнение, что за долгие годы, прошедшие со времени взятия Бастилии, в истории Французской революции все до такой степени изучено, что больше не остается вопросов, подлежащих исследованию и заслуживающих общественного внимания. Вряд ли ныне, после появления многих ценных исследований по этой проблематике, созданных за последние годы в ряде стран, после оживленных дискуссий на многих международных симпозиумах, в том числе на XI и XII международных конгрессах историков¹, есть необходимость опровергать это явно несостоятельное мнение.

В истории Французской революции всегда были и сейчас остаются области, которые оказывались менее изученными. Это относится прежде всего к периоду якобинской диктатуры. Для иностранца, приезжающего в Париж, это ощутимо даже зрительно. Пройдитесь по знаменитому городу — и вы сразу увидите, почувствуете, что остается менее исследованным в этой неумирающей проблематике. Граница добра и зла проходит у подножия памятника Дантону.

Кто решится это оспаривать?

Все политические партии и группировки, все нюансы политической мысли от Мирабо и Лафайета до Дантона включительно — все это остается по сю сторону, все это официально признано, освоено, исследовано французской университетской наукой. Это увековечено бронзой памятников, названиями улиц и кинотеатров, академическими изданиями, десятками защищенных докторских диссертаций.

Все же, что левее Дантона — от Робеспьера и Марата до кордельеров и Жака Ру, — еще остается как бы официально не признанным. Те же зрительные впечатления в Париже дают тому подтверждения. Пройдите по улице Старой голубятни, по rue Vieux Colombiers.

Здесь некогда, накануне и в начале революции, обитал Жан-Поль Марат. Но тщетно было бы искать среди великого множества вывесок, объявлений, плакатов, покрывающих стены домов старинной улицы, маленькую дощечку, напоминающую о том, что здесь жил «Друг народа». Ее нет. Мне довелось как-то спросить профессора Марселя Рейнара, возглавлявшего кафедру истории Великой французской революции в Сорбонне и жившего недалеко от улицы Старой голубятни, почему нет мемориальной доски на доме, где жил Марат. Он развел руками.

¹ «Colloque international de Stocholm». Babeuf et les problèmes du Babouvisme. P. 1963; XII congrès international des Sciences historiques». Actes du colloque Robespierre. P. 1967.

«Марат? Но муниципалитет не пойдет на увековечивание памяти Марата...» Это было понятно. Имя Марата тоже находится по ту сторону границы добра и зла...

Но нет нужды углубляться в эту тему, которая могла бы увести в сторону.

За последние десятилетия в изучении якобинского периода революции достигнуто немало. В этой связи прежде всего необходимо назвать труды Альбера Матьеа и его школы, около полувека тому назад вписавших новую главу в научную разработку якобинского этапа революции, работы Жоржа Лефевра, Пьера Карона, Арне Ординга, Анри Калве²; в нашей стране — Н. М. Лукина и его школы, Я. М. Захера, Г. С. Фридлянда, К. П. Добролюбского³. Очень плодотворными были последние десять — пятнадцать лет. И за рубежом и в нашей стране появился ряд оригинальных, ценных трудов. Среди исследований зарубежных историков должны быть отмечены: капитальная монография Альбера Собуля о санкюлотах Парижа в период якобинской диктатуры, большой, основанный на обширном материале провинциальных архивов труд Ричарда Кобба о революционной армии и его же этюды о продовольственном вопросе в период власти якобинцев, исследование Вальтера Маркова о Жаке Ру, Жерара Вальтера о Робеспьере, работы М. Булуазо, Ж. Рюде, сборник этюдов и статей о М. Робеспьере⁴ и другие.

В Советском Союзе в этот период также были опубликованы ценные исследования: В. М. Далина о Бабефе, основанное на уникальной коллекции документов архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, А. Р. Иоаннисяна — о коммунистических идеях во время революции, опирающееся на впервые привлеченные документы Национального архива в Париже, работы Я. М. Захера о «бешеных», дополняющие его прежние изыскания по этой тематике, исследования А. Л. Нарочницкого о внешней политике якобинцев, А. В. Адо о крестьянском движении во время революции, использовавшего материалы Национального архива и французских провинциальных архивов, С. Л. Сытина о движении «бешеных», В. С. Алексеева-Попова и Ю. Я. Баскина об общих проблемах якобинской диктатуры, А. В. Гордона об установлении якобинской диктатуры, сборник статей «Из истории якобинской диктатуры 1793—1794» с рядом содержательных этюдов⁵ и другие.

² A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la terreur. P. 1927; e j u s d. Etudes sur Robespierre. P. 1958; G. Lefebvre. La Révolution française. P. 1957; e j u s d. Etudes sur la Révolution française. P. 1954; e j u s d. Les questions agraires au temps de la terreur. Strasbourg. 1932; P. Caron. Paris pendant la terreur. T. I—V. P. 1940—1949; A. Ording. Le bureau de police du Comité de Salut public. Oslo. 1930; H. Calvet. Un instrument de la terreur à Paris le Comité de Salut public ou de surveillance du département de Paris. P. 1941.

³ Н. М. Лукин. Избранные труды. Т. I. М. 1960; Я. М. Захер. «Бешеные». Л. 1930; Г. Фридлянд. Ж.-П. Марат и гражданская война XVIII в. М. 1959; К. П. Добролюбский. Термидор. Одесса. 1949.

⁴ A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. La Roche-sur-Jon. 1958; R. Cobb. Les années révolutionnaires T. I—II. P. 1961—1963; e j u s d. Terreur et subsistances, 1793—1795. P. 1965; W. Markov. Jacques Roux oder vom Elend der Biographie. B. 1966; e j u s d; Die Freiheiten des Priesters Roux. B. 1967; G. Walter. Robespierre. T. I—II. P. 1961; M. Bouloiseau. Robespierre. P. 1961; e j u s d. Le Comité de Salut public 1962; «Maximilian Robespierre». B. 1961; G. Rudé. Robespierre. 1967.

⁵ В. М. Далин. Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794). М. 1963; А. Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М. 1966; Я. М. Захер. Движение «бешеных». М. 1961, и статьи во «Французских ежегодниках» 1958, 1960, 1962, 1964; А. Л. Нарочницкий. Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г. «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. 1946; его же. Вопросы войны и мира в политике якобинцев накануне 9 термидора. Сб. «Международные отношения, политика, дипломатия XVI—XX века». М. 1964; А. В. Адо. Революционный подъем во французской деревне весной 1792 г. «Европа в новое и новейшее время». М. 1966; его же. Муниципальные выборы, первичные собрания и социальная борьба во французской деревне. «Француз-

Много сделано и в области документальных публикаций. Завершено растянувшееся на полвека издание собрания сочинений Робеспьера, в СССР было издано самое полное из когда-либо публиковавшихся собраний сочинений Марата и «Избранные произведения» Робеспьера⁶, в Париже были опубликованы относящиеся к якобинскому периоду тома «Парламентского архива», дополнения к материалам Комитета общественного спасения⁷. Новые исторические труды и публикации во многом расширили и обновили наши представления об этом важнейшем периоде революции. Вместе с тем в научный оборот было введено громадное количество неизвестных ранее архивных документов. За фондом «С» Национального архива последовал фонд «AF II», «F⁷», «F¹⁰», «F¹⁷», «F¹», «AA», «BB³», «D⁴», «AP» и т. д., обширные департаментские архивные материалы. Такое расширение научной базы позволило достичь значительно более высокого уровня исследования якобинского этапа Французской революции, чем это было несколько десятилетий назад.

В изучении фактической истории этого периода уже многое, хотя некоторые вопросы социальной истории этого периода все еще требуют дополнительных изысканий. Но когда мы переходим от рассмотрения конкретных явлений якобинского этапа революции к их осмысливанию, к их толкованию, то здесь сразу же вступаем в сферу разногласий и научных споров. Обозревая мировую литературу, посвященную этой проблеме, нетрудно заметить расхождение мнений ученых в оценке или объяснении таких явлений, как вантозские декреты, характеристика деятельности «бешеных», оценка эбертистов, понимание термина «левые якобинцы», предыстория 9 термидора. Вероятно, можно назвать еще ряд частных вопросов, вызывающих споры.

Но речь в этой статье пойдет не о них. Как это ни неожиданно, но разногласия касаются не только частных вопросов, а в еще большей мере затрагивают и самые основные, принципиальные проблемы. Чем была власть якобинцев? Какова была ее природа? Каков был ее характер? По этим вопросам до сих пор отсутствует сколько-нибудь установившееся, общепринятое в научной литературе мнение; здесь сталкиваются самые различные взгляды.

Первое, с чего необходимо начать уяснение природы якобинской власти,— это определение места якобинского этапа в общем развитии революции. Предварительно нельзя не остановиться на одном общем вопросе. Среди части французских историков, в том числе крупных и заслуженных, распространено мнение, что революцию XVIII в. надо рассматривать как сумму более или менее автономных революций. Иными словами, они видят в рамках Французской революции ряд как бы самостоятельных революций. Такой выдающийся исследователь, как покойный Жорж Лефевр, в общепринятых хронологических рамках 1789—1794 гг. видел несколько революций: аристократическую, буржуазную, революцию народную. Он говорил также об особой крестьянской революции. Август—сентябрь 1792 г., то есть свержение монархии, он опреде-

ский ежегодник». 1964; С. Л. Сытин. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле — сентябре 1793 г. «Ученые записки» Ульяновского государственного педагогического института имени И. Н. Ульянова. 1956; В. С. Алексеев-Попов и Ю. Я. Баскин. Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В. И. Ленина. Сб. «Из истории якобинской диктатуры. 1793—1794». Одесса. 1962; А. В. Гордон. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая — 2 июня 1793 г. «Французский ежегодник». 1963.

⁶ M. Robespierre. Oeuvres complètes. T. I—X. P. 1912—1967; Жан-Поль Марат. Избранные произведения. T. I—III. M. 1956; М. Робеспьер. Избранные произведения. T. I—III. M. 1965.

⁷ «Archives Parlementaires». Première série. T. LXXV. P. 1964; t. LXXVI. P. 1965; t. LXXVII. bis. 1965; «Recueil des actes du Comité de Salut Public.», Supplément. I vol. (10 août — 15 août 1793) P. 1966.

лял, как вторую революцию. Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. он рассматривал также как особую революцию⁸. Таким образом, в рамках Французской революции XVIII в. Жорж Лефевр видел несколько революций, или, вернее сказать, единый революционный процесс он расчленил на ряд самостоятельных революций.

По мнению некоторых французских ученых, такое расчленение не более чем терминологический прием, форма изложения, которая хотя и может ввести в заблуждение читателей, но далека от намерений автора видеть в одной революции несколько революций. С этим трудно согласиться. Прежде всего следует полагать, что историческая терминология, как и всякая иная научная терминология, должна быть точной и соответствовать своему смысловому содержанию. Однако если говорить по существу, то Жорж Лефевр употреблял эти термины отнюдь не случайно, а вполне продуманно, вкладывая в них содержание, вполне соответствующее форме. В этом нетрудно убедиться, обратившись к известным его статьям, в которых он обосновывает концепцию крестьянской революции как автономной, в рамках общей истории революции. Более того, научный авторитет Жоржа Лефевра был так велик, он пользовался — и вполне заслуженно — столь глубоким уважением ученых, что его подход к анализу революционных событий 1789—1794 гг. получил, хотя и с рядом модификаций, значительное распространение среди французских историков.

В известном труде «XVIII век», принадлежащем перу одного из самых видных французских историков, профессора Эрнеста Лабрусса (в сотрудничестве с М. Булуазо), и составляющем отдельный том «Всеобщей истории цивилизации», революция 1789—1794 гг. также делится на «законодательную революцию» и «конвентскую революцию», причем на первое место выдвинуты юридические различия. Профессор Лабрусс упоминает и «третью революцию» — 31 мая — 2 июня 1793 года. Даже в школьном учебнике С. и П. Кокерел и Л. Жене дано четкое разделение: первая революция — 1789 г.; вторая революция — август — сентябрь 1792 года⁹.

С таким методом рассмотрения истории революции согласиться трудно. Недостатком такой трактовки является то, что она приводит к искусственному рассечению живой ткани исторического процесса и насильственному его расчленению на ряд самостоятельных, или «автономных», как предпочитают говорить французские ученые, частных процессов. События 1789—1794 гг. — это не ряд сменяющих друг друга революций, а единый революционный процесс. Это одна революция со всеми заложенными в ней противоречиями. Не было и не могло быть в действительной жизни отдельной революции — буржуазной и отдельной революции — народной, хотя несовпадение целей и задач буржуазии и народа и даже, более того, противоречия между ними бесспорны. Лишь рассматривая весь революционный процесс как единое целое и анализируя развитие противоречий между классами и классовыми группами, мы можем понять, как и куда шла революция. Об этом надо сразу же сказать потому, что, лишь исходя из этого понимания революции как единого процесса, можно определить историческое место якобинской власти в общем ходе революции и лучше понять объективно поставленные перед ней всем предыдущим ходом вещей задачи. По-видимому, все согласны с тем, что падение Жиронды и приход к власти Горы были исторически детерминированы. Однако не безразлично, назвать

⁸ G. Lefebvre. La Révolution française, pp. 107, 113, 137.

⁹ G. Lefebvre. La Révolution française et les paysans. «Études sur la Révolution française». P. 1963, pp. 338—368; E. Labrousse (avec la collaboration de M. Bouloiseau). Le XVIIIe siècle. «Histoire générale des civilisations». T. V. P. 1963, pp. 369—404, 405—428, 415—417; P. Coquerelle, S. Coquerelle, L. Genet. La Révolution française et les débats de l'époque contemporaine. P. 1960, pp. 42, 70.

ли события 31 мая — 2 июня 1793 г. народным восстанием или «третьей революцией», как ее именуют некоторые французские ученые, ибо этот термин ведет нас опять-таки к искусственному рассечению единого исторического процесса.

Рассмотрим вопрос по существу. Что привело якобинцев к власти? Что сделало неизбежным восстание 31 мая — 2 июня и его победу? Двоедушие жирондистов? Слабость Верньо и Ролана? Революционная решимость Марата? Твердость Робеспьера? Понятно, и роль политических руководителей должна быть также принята во внимание, но, конечно, не это было главным, определяющим.

Якобинцы объективно, то есть независимо от их воли и сознания, должны были выполнить то, что не сделали их предшественники — жирондисты и ранее — фейяны. Они должны были довести революцию до конца, то есть выполнить поставленные перед ней ходом истории задачи. Следует подчеркнуть общеизвестную истину, что революция XVIII в. по своему объективному содержанию и конечным результатам была и могла быть только буржуазной, и никакой иной. Это значило, что она должна была победить контрреволюционную интервенцию европейских держав, стремившихся силой оружия реставрировать свергнутую монархию и старый порядок; подавить внутреннюю контрреволюцию, преследовавшую те же цели; сокрушить и уничтожить феодализм, коренившийся особенно прочно в сельском хозяйстве, что было невозможно без удовлетворения главных требований крестьянства; очистить почву страны от средневекового хлама; сплотить народ в единую нацию и тем самым создать новое, более прогрессивное, буржуазное общество.

Когда Матьез называет Робеспьера социалистом, а другие историки видят в «Неподкупном» или в Жан-Поле Марате представителей пролетариата, то это, естественно, должно быть отвергнуто, как грубая модернизация.¹⁰ Конечно, никаких условий для социалистической революции в то время во Франции не было и быть не могло. В порядок дня был поставлен переход от феодализма к капитализму, и всякое перенесение в условия XVIII в. понятий и терминологии нынешнего XX в. было бы прежде всего антиисторичным. Вместе с тем столь же неоспоримо, что признание революции буржуазной отнюдь не означает, что ее должна была совершить и совершила только буржуазия. Французская революция XVIII в. по своему характеру, по своим движущим силам была, несомненно, народной революцией, буржуазно-демократической, и именно решающая роль народа в этой революции и придала ей такую силу и размах, подняла ее над другими буржуазными революциями и сообщила ей те классические черты, которые дали основание называть ее Великой французской революцией.

И если мы обратимся к речам Робеспьера или статьям Марата весной 1793 г. (как, впрочем, и более раннего и позднего времени), то мы увидим, что в их представлении совершаемая ими революция была не буржуазной, а революцией во имя торжества человечества, торжества добродетели, великих принципов свободы, равенства и братства. Марат в августе 1792 г. так и писал: «Во имя свободы, отечества, человечества и ради спасения ваших жен и ваших детей, грядущих поколений, рода человеческого... объединитесь для спасения республики»¹¹. Робеспьер в программном докладе: «О принципах политической морали», прочитанном 5 февраля 1794 г. в Конвенте, призывал к укреплению добродетели. Но что такое добродетель? Он отвечал: «Добродетель — это не что иное, как любовь к отечеству и его законам. Но так как сущ-

¹⁰ A. Mathiez. Etudes robespierristes. La corruption parlementaire sous la terreur. P. 1917, p. 265, 293; S. M. Thompson. Robespierre. Oxford. 1939, p. 346; R. Congold. First Modern Dictator. N. Y. 1941, p. 5; J. L. Talmon. The Origins of Totalitarian Democracy. Vol. I. L. 1952.

¹¹ Marat, l'Ami du peuple. Aux braves parisiens. P. 26 août 1792.

ность республики или демократии — это равенство, то, следовательно, любовь к отечеству включает в себя и любовь к равенству». В той же речи он спрашивал: «Какова цель, которую мы преследуем?» И отвечал: «Мирное пользование свободой и равенством, царство вечной справедливости...»¹².

Но ведь ни Робеспьер, ни Марат, ни Сен-Жюст, как мы знаем, не были оторванными от жизни мечтателями. Это были люди железной воли, революционных действий, умевшие переплавлять слова в великие дела. Высокие цели, за которые они сражались, были лишь идеализированной формой вполне определенных классовых требований. И восстание 31 мая — 2 июня 1793 г., и свержение Жиронды, и переход власти к якобинцам также могут быть правильно поняты, если мы увидим в них не результат доброй или злой воли тех или иных революционных вождей, а закономерный этап в развитии революции. Народное восстание 31 мая — 2 июня стало неизбежным после того, как полностью обнаружилось (и многими фактами были подтверждены) неспособность и нежелание жирондистов и стоявших за ними общественных сил, главным образом республиканской крупной буржуазии, разрешить жизненно важные задачи революции, оставшиеся нерешенными. События 31 мая — 2 июня означали в то же время, что те общественные классы, которые еще не получили удовлетворения своих требований в революции, свергли власть Жиронды для того, чтобы эти требования осуществить.

Поскольку в числе важнейших задач революции, решавших ее судьбу, была прежде всего победа над контрреволюционными интервентами, наступавшими весной 1793 г. на всех фронтах, а достижение победы над внешней контрреволюцией было невозможно без разгрома внутренней контрреволюции, национальные и социальные задачи в восстании 31 мая — 2 июня оказались неразрывно слитыми. Якобинцы пришли к власти на гребне народного подъема. Они возглавили правительство в момент, когда революция была, казалось, на краю гибели и само свержение Жиронды и переход власти к Горе народ рассматривал прежде всего как средство общественного спасения. Название органа, ставшего в ходе событий высшим оперативным центром революционного правительства — Комитет общественного спасения, — в этом смысле весьма точно передавало его главное назначение. Но спасение революции, то есть победа над неизмеримо превосходящими силами внешних и внутренних врагов, было невозможно без удовлетворения главных требований народа, оставшихся не выполненными на предыдущих этапах революции. Переход власти от Жиронды к Горе означал, что народ сделал еще одно усилие, чтобы добиться осуществления своих требований, и что революция поднялась на новую, более высокую ступень в своем развитии. Тем самым переход власти к якобинцам и якобинский период революции мы рассматриваем как продолжение предшествующего развития по восходящей линии и, следовательно, как высший этап революции.

Что же представляла собой якобинская власть? Чьи интересы она выражала? Если обратиться к последним работам ряда современных историков Французской революции XVIII в., в особенности к наиболее значительным работам последних 10—15 лет, то нетрудно заметить, что большинство их посвящено плебейским, или, как предпочитают говорить на Западе, санкюлотским, движениям. Таковы уже упоминавшиеся весьма ценные и интересные труды А. Собуля, Р. Кобба, В. Маркова — за рубежом, В. М. Далина, Я. М. Захера, А. Р. Иоаннисяна, С. Л. Сытина — в нашей стране. Конечно, между этими работами есть различия

¹² М. Robespierre. Oeuvres complètes. Т. X pp. 352, 353; см. также А. З. Манфред. Максимилиан Робеспьер («Максимилиан Робеспьер». Избранные произведения. Т. I. М. 1965, стр. 7—85).

в тематике. А. Собуль писал о парижских санкюлотах, изучая преимущественно секционное движение. Р. Кобб изучал революционную армию как форму организации вооруженной силы санкюлотов; В. Марков, Я. М. Захер и С. Л. Сытин исследовали вопрос о «бешеных», В. М. Далин — о Бабефе в годы революции, А. Р. Иоаннисян — о Буасселе, Дюфурни де Вилье, Сабаро и других представителях утопического коммунизма, в которых он также видел выразителей плебейских настроений. Но при всем своеобразии и различиях этих работ общим является то, что все они посвящены разным аспектам движения городского плебейства в период якобинской власти.

Случайно ли это? Думается, что нет. Появление почти одновременно ряда работ по близкой между собой проблематике было естественной реакцией на длительное пренебрежение к этим вопросам. Это же отвечало давно назревшей потребности: роль плебейства в истории Французской революции оставалась невыясненной. Создание новых трудов, весьма ценных по своему конкретно-историческому материалу, по введенным в научный оборот новым источникам, несомненно, сыграло важную положительную роль.

Нельзя, однако, не заметить, что при этом, скорее всего невольно, произошло некоторое смещение исторической перспективы. В центре анализа у некоторых авторов указанных выше работ оказались разного рода коллизии, возникавшие между революционным правительством и санкюлотами. Эта проблема вышла как бы на первый план. Споры нет, вопрос о взаимоотношениях революционного правительства и плебейства в период власти якобинцев также заслуживает внимания. Не нужно лишь упускать из виду, что противоречия между правительством и плебейством не были главным и основным конфликтом эпохи. При преимущественном внимании к коллизиям, возникавшим между якобинцами и санкюлотами, из поля зрения исследователей странным образом выпало крестьянство. Самый многочисленный класс, составлявший $\frac{9}{10}$ всего населения, неожиданно оказался где-то за рамками исторического анализа. При изобилии работ, рассматривающих разные аспекты движения городских санкюлотов, в литературе, посвященной истории якобинского периода революции, невозможно обнаружить ни одной монографии о крестьянстве или крестьянских движениях в 1793—1794 годах¹³.

Если же мы обратимся к конкретным историческим фактам, к практической деятельности якобинцев после их прихода к власти, то увидим, что первые и важнейшие их акты были направлены на осуществление требований крестьянства. Стоит напомнить хотя бы важнейшие декреты, принятые после победы народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г.: 3 июня, 10 июня, 17 июля. Они означали удовлетворение основных требований крестьянства и были самыми решительными ударами по феодализму, которые нанесла революция. В течение первых полутора месяцев после прихода к власти якобинцы в решении аграрного вопроса сделали то, чего не смогла выполнить революция на протяжении четырех предшествовавших лет¹⁴.

¹³ В исследовании А. В. Адо, о котором выше шла речь, рассматривается история крестьянских движений на протяжении всей революции. Жорж Лефевр после своего известного труда «Les questions agraires au temps de la terreur» больше не возвращался к этой проблематике, и посмертно изданный его труд «Etudes orléanaises». Т. II. Subsistances et Maximum (1789 — an IV). P. 1963, в очень малой мере освещает эти вопросы. Последняя работа А. Собоуля (A. Soboul. Paysans, sans-culottes et Jacobins. P. 1966), содержащая несколько статей и по аграрно-крестьянскому вопросу, не касается крестьянства в период якобинской диктатуры.

¹⁴ Здесь нет необходимости рассматривать вопрос о том, насколько полно были выполнены требования крестьянства. Конечно, не все требования были удовлетворены. Но главные из крестьянских требований, и прежде всего уничтожение всех феодальных прав, повинностей и привилегий и в значительной степени требования земли, были разрешены якобинцами с такой полнотой, как ни в одной другой буржуазной революции.

Правильное понимание природы якобинской власти невозможно без учета ее аграрного законодательства лета 1793 г., так как власть якобинцев защищала и представляла и интересы крестьянства. Были ли якобинцы крестьянской партией? Нет, конечно. Но они представляли и защищали наряду с другими классами и классовыми группами также и интересы крестьянства.

Анализируя характер якобинской власти по ее делам, по ее политике, а не по социальному происхождению того или иного из якобинских вождей, как это иногда делают, мы правильно разрешим вопрос о природе якобинской власти.

Итак, кем же были якобинцы? Какие общественные классы они представляли? Какова была в классовом и политическом отношении природа созданной ими власти? Французские историки наших дней (а впрочем, и не только французские) чаще всего определяют якобинцев как представителей передовой буржуазии или революционной буржуазии¹⁵. Некоторые советские историки (Г. С. Фридлянд) предпочитали говорить о якобинцах как представителях мелкой буржуазии¹⁶. Не вдаваясь в споры по существу этих определений¹⁷, следует признать, что в общей форме в них есть, безусловно, и верное содержание. Конечно, якобинцы представляли и буржуазию. Было бы неправильно это отрицать. Но в то же время надо со всей определенностью подчеркнуть, что якобинцы представляли не только буржуазию. Сведение природы якобинцев только к буржуазной основе вызывает естественные возражения. Когда, например, утверждают, что Робеспьер был представителем буржуазии, пусть даже революционной, а сам Робеспьер в дни восстания 31 мая — 2 июня записывал (для себя, а не для публичного чтения): «...Внутренние опасности исходят от буржуазии... чтобы победить буржуазию, нужно объединить народ»¹⁸ — то противоречие между первым утверждением и тем, что утверждал сам Робеспьер, является очевидным.

Определение якобинизма как гомогенного буржуазного направления или партии опровергается и только что приведенными соображениями о крестьянстве. Ведь якобинцы защищали и интересы крестьянства. Следовательно, они представляли интересы буржуазии и крестьянства? Но только ли их? Правильное решение вопроса может быть найдено не в попытках определить гомогенную природу якобинизма как партии одного класса — буржуазии, как бы ее ни называть — передовой или революционной, а в анализе якобинизма, как исторически сложившегося блока определенных классовых сил. Если пользоваться термином «партия» (понимая его, конечно, не в современном смысле), то можно сказать, что якобинцы — это была партия блока демократической (средней и низшей) буржуазии, крестьянства и городского плебейства. Этот блок сложился исторически, в борьбе против Жиронды, как союз классовых сил, жизненно заинтересованных в победе революции над ее врагами, в доведении главных задач революции до конца.

Поскольку блок этих общественных сил представлял собой большинство французского народа, то, не забывая о его классовом членении, можно смело сказать, что якобинцы были партией французского народа. Конечно, якобинство как партия, как политическое направление, представляя блок классово неоднородных сил, не было и не могло быть

¹⁵ См. ряд статей в сборнике «Jakobiner und Sansculotten». В. 1957.

¹⁶ См. Г. Фридлянд. Указ. соч.

¹⁷ Термин «мелкая буржуазия» применительно к эпохе XVIII в. представляется крайне неудачным, так как стирает различия, на самом деле очень большие, между мелкой буржуазией периода промышленного капитализма и империализма, с одной стороны, и ремесленниками и мелким людом эпохи мануфактурной стадии капитализма, во многом отличными от мелкой буржуазии XIX—XX вв., — с другой.

¹⁸ Цит. по.: A. Mathiez. La Révolution française. T. III. La terreur. P. 1963, p. 4.

единой монолитной организацией; внутри его боролись различные тенденции, отсюда и противоречивость политики якобинцев. Но до тех пор, пока исход борьбы с феодальной контрреволюцией не был решен, пока оставалась реальной опасность феодально-абсолютистской реставрации, общность интересов и задач, объединявшая эти разнородные общественные силы в единый блок, брала верх над противоречиями между ними и подчиняла их главному повелительному требованию — единению. Центростремительные силы — первоначально, во всяком случае, — были могущественнее центробежных. Поэтому до определенного момента объединяемое и направляемое якобинцами большинство народа шло вместе и сообща.

Естественно, что своеобразии якобинства как партии революционного блока сказывалось во всем, в том числе и в политике его руководителей. Иные историки, не довольствуясь признанием противоречивости политики якобинских лидеров, склонны выдать каждому из них постоянный социальный паспорт и приписать его «навечно» к определенной классовой группе. Эта тенденция, имевшая своими родоначальниками историков из германской социал-демократии и в особенности Генриха Кунова¹⁹, все еще остается живучей.

Надо признать, что в отдельных случаях классовые связи некоторых якобинских руководителей проступают вполне определенно. Так обстоит дело с Дантоном. С осени 1793-го и особенно в начале 1794 г. Дантон в рядах якобинцев оказался, вольно или невольно, тем притягательным центром, вокруг которого стали группироваться элементы, связанные с новой буржуазией, стремившиеся повернуть политику якобинцев вправо. И это, пожалуй, единственный или один из немногих случаев, когда мнения большинства специалистов сближаются. Дальше начинаются разногласия. В наибольшей мере расхождение мнений наблюдается, когда речь заходит о ведущей, руководящей группе якобинских вождей — Робеспьере, Марате, Сен-Жюсте, Кутоне. Кого они представляли? Выразителями каких общественных сил они выступали? Одни их относят просто к буржуазии, другие к средней буржуазии, третьи к мелкой буржуазии. Это стремление наделить каждого из якобинских вождей социальным паспортом представляется нам методологически неправомерным. В этой связи следовало бы обратиться к В. И. Ленину как историку и в особенности к его замечательному анализу творчества Л. Н. Толстого. Как известно, В. И. Ленин видел в Толстом-аристократе, графе Толстом прежде всего выразителя настроений крестьянства, «широких масс, угнетенных современным порядком...»²⁰. Робеспьер или Сен-Жюст потому именно и стали признанными вождями якобинского блока, что они в наиболее полной мере выражали идеологию и практику якобинизма как политического направления, со всеми его сильными сторонами и со всеми присущими ему внутренними противоречиями. И нет никакой надобности искать для Робеспьера точный социальный эквивалент и жесткую этикетку, причисляя его к той или иной категории средней или низшей буржуазии. Лучше всего, если мы скажем, что Робеспьер представлял и защищал интересы французского народа в революции.

Далее. Якобинцы шли к власти с определенной политической и социальной программой. Они были учениками Жан-Жака Руссо и стремились претворить в жизнь его общественно-политические идеалы. Главным в этих заветах Руссо была идея равенства. Но ведь равенство, эгалитаризм в его руссоистском понимании и были тогда в конечном счете наиболее полным выражением требований многомиллионных на-

¹⁹ Н. Суннов. Die Parteien der Grossen französischen Revolution und ihre Presse. В. 1912.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 20.

родных масс — крестьянства и санкюлотства, равенство и было основной формулой демократических требований в буржуазной революции. Конечно, Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон не были простыми учениками Руссо. Они освободили руссоизм от присущей ему созерцательности и мечтательности. Люди действия, они претворили отвлеченные мечтания великого женеvского гражданина в грозную практику революции. И, движимые логикой революционной борьбы, они пошли значительно дальше своего учителя в решении практических и теоретических вопросов.

И здесь, естественно, возникает еще один важный вопрос, в который необходимо внести полную ясность. Якобинцы унаследовали от Руссо идею народного суверенитета, идеи демократической республики. Жан-Жак Руссо сделал больше, чем кто-либо иной, для распространения демократических и эгалитаристских идей в умах поколения, творившего революцию. И якобинцы, как ученики Руссо, придя к власти, реально воплотили эти идеи в конституции 1793 г., получившей полное одобрение народа в августе того же года. Однако историческое величие якобинцев было не в том или, скажем точнее, не только и не столько в том, что имевшие общий и несколько абстрактный характер мысли Руссо о демократии и равенстве они отлили в чеканные формулы знаменитых 124 статей конституции 24 июня 1793 года²¹. В еще большей мере их революционная смелость и мужество проявились в том, что, покинув область изведенного, они отважно пошли по новому пути, прокладываемому революцией.

Как известно, строй, созданный в 1793—1794 гг. и возглавленный якобинцами, оказался в реальной жизни не конституционной демократией, а диктатурой. И если идеи демократии были в общем более или менее предвосхищены и обоснованы Руссо до революции, то надо сказать, что теории революционной диктатуры и даже идеи революционной диктатуры, если не считать нескольких гениально пронизательных мыслей Руссо в «Общественном договоре»²², не существовало. Робеспьер с полным основанием мог говорить: «Теория революционного правления так же нова, как и революция, создавшая этот порядок правления. Тщетно было бы искать эту теорию в книгах политических писателей, не предвидевших революцию, или в законах тиранов...»²³. Революционная диктатура — это была новая форма организации власти, созданная самим ходом революции, и великая заслуга якобинцев была в том, что, не убоившись нового, они смело пошли по неизведанным путям, возглавляя и направляя инициативу народных масс.

Но здесь возникает необходимость разобраться по существу в характере, в природе этой диктатуры. Что это была за власть? Как ее следует определять? По этому вопросу среди историков нет единства мнений. Альбер Собуль чаще всего определяет якобинскую диктатуру как диктатуру Комитетов общественного спасения и общественной безопасности или как диктатуру общественного спасения. Жан Масен пользуется термином «революционная диктатура». Марк Булуазо говорит: «диктатура общественного мнения»²⁴.

При довольно значительных расхождениях в частных определениях якобинской диктатуры для некоторых прогрессивных западных историков характерно противопоставление диктатуры и демократии, революционного правительства и народного движения. В наиболее отчетливой

²¹ См. «Constitution française, précédée de la Déclaration des droits de l'homme et du citoyen, décrétée par la Convention nationale de France en 1793 et présentée à l'acceptation du peuple français». P. L'an II.

²² J. J. Rousseau. Du contrat social. P. 1955, pp. 190—193.

²³ M. Robespierre. Oeuvres complètes. T. X, p. 274.

²⁴ См. A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II; e jus d. Précis d'histoire de la Révolution française. P. 1962; J. Massin. Robespierre. P. 1957; M. Boulouiseau. Le Comité de Salut public. P. 1962.

и законченной форме это противопоставление дано в известном труде нашего друга Альбера Собуля²⁵, но с теми или иными модификациями оно проводится и в работах некоторых других историков. Но следует ли противопоставлять демократию и диктатуру? Не следует ли искать решения в ином — не в противопоставлении демократии и диктатуры, а в их сближении? Не уместно ли, обращаясь к изучению истории якобинского этапа революции, вспомнить о знаменитом определении В. И. Ленина: революционно-демократическая диктатура?

«Чем была якобинская диктатура? Самый краткий и правильный ответ: это была революционно-демократическая диктатура. В. И. Ленин писал, что: «Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота...» Когда он говорил о диктатуре революционной демократии, то это и было определением якобинской диктатуры как революционно-демократической диктатуры²⁶. Большинство советских историков, следуя за В. И. Лениным, рассматривают якобинскую власть как революционно-демократическую диктатуру²⁷. Эту же точку зрения в основном разделяет и немецкий прогрессивный ученый В. Марков²⁸.

Попытаемся обосновать наш вывод. Как уже говорилось, в отличие от конституционно-демократического строя, который еще ранее был теоретически разработан и обоснован якобинцами, проблема революционно-демократической диктатуры до них не разрабатывалась и не обсуждалась. Якобинская революционно-демократическая диктатура возникла не в результате ранее обдуманного плана или теоретического обоснования ее необходимости. Она была рождена самой жизнью, создана революционным творчеством масс. Установление якобинской диктатуры не было однократным действием; она не могла быть установлена сразу, мгновенно; это был процесс, растянувшийся во времени. Уже самим актом народного восстания 31 мая — 2 июня, сбросившего власть жирондистской буржуазии, было положено начало революционно-демократической диктатуре как определенному соотношению классов. Это означало, что власть в стране перешла от жирондистской буржуазии к блоку демократической буржуазии, крестьянства и плебейства.

Разве раздел общинных земель, ликвидация всех феодальных привилегий и прав, все аграрное законодательство лета 1793 г., ограничительные и репрессивные меры против свободы торговли, введение твердых цен на продовольствие в интересах защиты беднейших потребителей, — разве вся эта смелая социальная политика, отвечавшая требованиям народа, могла быть проведена при ином соотношении классовых сил?

Но это не только не осознавалось вначале якобинцами²⁹, но, напротив, политически все их сознательные усилия в июне—июле 1793 г. были направлены на всемерное развитие самой широкой демократии,

²⁵ A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 54; т. 34, стр. 196.

²⁷ См. «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.». М. 1941: «Всемирная история». Т. VI. М. 1960; «Новая история». Т. II. М. 1958; «Новая история». Ч. I. М. 1963; Н. М. Лукин. Ленин и проблема якобинской диктатуры. Избранные труды. Т. I. М. 1960; В. М. Далин. Указ. соч.; А. Р. Иоаннисян. Указ. соч.; В. С. Алексеев-Попов и Ю. Я. Баскин. Указ. соч.; В. А. Гордон. Указ. соч.; А. З. Манфред. Великая французская буржуазная революция. М. 1956.

²⁸ См. W. Markov. Grenzen des Jakobinerstaates (в сб. «Grundpositionen der Französischen Aufklärung». В. 1955).

²⁹ Когда Робеспьер заносил в свои записные книжки: «продовольствие и народные законы», — то эта запись свидетельствовала, что, еще не осознавая теоретически изменений, происшедших в соотношении классовых сил, он инстинктивно понимал необходимость прежде всего удовлетворить требования народа.

которую они стремились обеспечить с помощью новой конституции. Но сама жизнь—ожесточенное сопротивление, а затем и контр наступление жирондистов, поднявших контрреволюционный мятеж в стране и вставших на путь индивидуального террора (убийство Марата, Лепелетье де Сен-Фаржо, Шалье); наступление на всех фронтах превосходящих сил внешней контрреволюции, армий иностранных интервентов — заставила якобинцев направить свою энергию по иному пути. Требование беспощадной войны, войны не на жизнь, а на смерть с могущественной коалицией внешней и внутренней контрреволюции побуждало якобинцев всемерно развязывать инициативу народа, пробуждать его энергию, втягивать массы в революционную борьбу и революционное строительство. В кратчайшие сроки вся страна была покрыта сетью низовых выборных революционных комитетов, народных обществ, филиалов Якобинского клуба. Это была система демократических органов, являвшихся чем-то совершенно новым, то была неизвестная ранее форма власти на местах, выполнявшей одновременно функции локального штаба революционной борьбы. Эти новые революционно-демократические органы были созданы не государственным законодательством сверху, а инициативой народа снизу; то была форма прямого революционного творчества масс. И эта рожденная самим народом гибкая и разветвленная система революционно-демократических органов на местах, охватившая всю страну, стала жизненно необходимой для республики. Революционные комитеты и народные общества, втянувшие в круг своей деятельности миллионные массы, и стали той формой власти, через которую осуществлялось революционное творчество народа и шло его воздействие на высшие органы власти.

Вместе с тем требования беспощадной борьбы с силами внутренней и внешней контрреволюции заставляли якобинцев одновременно с демократизацией усиливать и централизацию власти и проводить ответные репрессивные меры против атакующих республику врагов революции, а с сентября 1793 г. «поставить террор в порядок дня». Политика террора, суровых репрессий против врагов революции, против спекулянтов, нарушителей государственных законов тоже была рождена не теорией, а практикой, самой логикой борьбы. Ведь когда якобинцы свергли власть Жиронды, они не решились даже отправить своих противников в тюрьму; их оставили под домашним надзором. В первую же ночь жирондистские лидеры бежали и подняли контрреволюционный мятеж. Только после убийства Марата, Лепелетье де Сен-Фаржо, Шалье, после контрреволюционного переворота в Лионе якобинцы, принимая требования народа, встали на путь ответного террора.

В равной мере концентрация власти в руках сильного революционного правительства, соединение законодательной и исполнительной власти в одном органе — Конвенте и его Комитетах, наделение революционного правительства диктаторскими полномочиями — все это было подсказано и навязано самой жизнью. Хотя конституция, которую якобинцы приняли в июне и утвердили в августе 1793 г., исходила от Руссо, от его идеи «единства действий», она предусматривала частую сменяемость, ограничение прав и подчинение органов исполнительной власти органу законодательной власти (см. статьи 39—44 и 62—77 конституции 1793 г.). Та же народная инициатива, предложения, требования, поступавшие в Конвент от низовых организаций, побудили якобинцев отсрочить введение конституции в действие и, подчиняясь жестоким требованиям гражданской войны, создать те формы организации государственной власти, которые вошли в историю под именем Революционного правительства или Революционного правления. Важнейшая особенность этой созданной инициативой народа и требованиями гражданской войны новой государственной власти заключалась в том, что широкая демократия снизу сочеталась в ней с сильной централизо-

ванной властью сверху. Это и был режим революционно-демократической диктатуры.

Историческое величие Робеспьера, Сен-Жюста и других якобинских вождей в том и заключалось, что в решающие дни борьбы они показали себя не доктринерами, не педантами, цепляющимися за букву закона, а истинными революционерами, доверяющими энергии и инициативе народа и вместе с народом, во главе народа смело шедшими по пути совершенно нового, неведомого прошлому революционного творчества. И лишь когда вместе с народом они создали эту новую, отвечающую требованиям ожесточенной гражданской войны форму власти — революционно-демократическую диктатуру, они встали на путь ее теоретического осмысливания. Правильно подчеркивая, что эта жесткая и беспощадная к врагам диктатура по самой своей сути была не только революционной, но и демократической, Робеспьер утверждал: «Для того, чтобы создать и упрочить среди нас демократию, чтобы прийти к мирному господству конституционных законов, надо довести до конца войну свободы против тирании...»³⁰. В этих последних словах и было определено существо якобинской революционно-демократической диктатуры: это была война свободы против тирании.

Таким образом, в сознании руководителей революционного правительства демократия и диктатура не противопоставлялись, а, напротив, в соответствии с действительным положением вещей соединялись, сливались в неразрывное целое. Обобщая уроки, извлеченные из опыта революции, Робеспьер говорил, что террор надо рассматривать не как особый принцип, а «как вывод из общего принципа демократии, применимый при самой крайней нужде отечества»³¹.

Почему же все-таки погибла якобинская диктатура? Почему после года блистательных побед над многочисленными внешними и внутренними врагами она пала, была свергнута в течение нескольких часов 9 термидора? Если обратиться к последним крупным работам, появившимся на Западе, то, как уже говорилось, нетрудно заметить, что главное внимание в них обращено на противоречия, возникшие между революционным правительством и санкюлотами. Начало конца якобинской власти чаще всего связывают с событиями марта 1794 г. — с разгромом эбертистов и кордельеров в вантозе II года. Так, например, Ричард Кобб полагает, что в феврале—марте 1794 г. разразился «великий политический кризис» и что после ареста эбертистов Комитеты повернули против народного движения. Близкой к этой точке зрения является и точка зрения А. Собуля, который первым — и на огромном конкретно-историческом материале — поставил эти вопросы. Для Собуля, усиленно подчеркивавшего противоречия между движением санкюлотов и Революционным правительством, события вантоза — жерминаля II года представляются чуть ли не решающими, переломными для судеб якобинской власти. «Драма жерминаля была прологом термидора», — пишет он³². Конечно, «драма жерминаля» тоже имела определенное значение, и огромный конкретно-исторический материал, приведенный Собоулем и Коббом в их монографиях, убедительно это подтверждает. Не подлежит никакому сомнению и то, что в политических коллизиях весны 1794 г. проявилась противоречивость, заложенная в самой природе якобинской власти, и то, что сами эти события были выражением углублявшегося кризиса якобинской диктатуры.

Однако были ли эти события действительной и главной причиной термидора? Следует ли, как это делает ряд историков, видеть в раз-

³⁰ M. Robespierre. Oeuvres complètes. T. X, p. 353.

³¹ Ibid., p. 357.

³² R. Cobb. Terreur et subsistances, 1793—1795, p. 13; eju s d. Les armées révolutionnaires. T. II, p. 809; A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II, p. 761.

громе эбертистов важнейшую предпосылку переворота 9 термидора? Несомненно, удары Революционного правительства против кордельеров, против Шометта, против Коммуны Парижа весной 1794 г., будучи выражением кризиса якобинского блока, в какой-то степени ослабили якобинскую диктатуру. Но изменили ли эти акты природу и существо якобинской власти? По нашему мнению, нет. При некоторых модификациях (понятно, и якобинская диктатура не была чем-то застывшим и она подвергалась каким-то изменениям) в основном и существенном природа якобинской власти оставалась революционно-демократической.

Следует напомнить: весной 1794 г. Революционное правительство наносило удары не только налево (что случалось и раньше: разгром «бешеных»), но и направо — против дантонистов. Отвергая экстремистские предложения эбертистов, оно пыталось само провести в жизнь отвечающее интересам беднейших слоев крестьянства и плебейства вантозское законодательство. И если при всех победах якобинская революционно-демократическая диктатура все же шла к своему крушению, к термидору, то отнюдь не потому, что якобинцы стали иными, что изменилась, переродилась якобинская диктатура.

Поставим вопрос иначе: кто сверг власть якобинцев в термидоре — правые силы или левые? Кто победил, кто пришел к власти 9 термидора? Обострение борьбы в рядах якобинского блока весной 1794 г. было внешним выражением кризиса якобинской диктатуры. В чем была суть этого кризиса? Возглавляя творческую энергию миллионов масс, действуя плебейскими методами, проявляя изумительную решимость и смелость, якобинская диктатура одолела в открытом бою главных врагов республики, разрешила основные задачи, стоявшие перед революцией. Куда ей было идти дальше? Трагедия Робеспьера, Сен-Жюста, якобинцев была в том, что, одерживая одну победу за другой, они приближали общество не к тому идеальному строю равенства и свободы, о котором мечтали, а к совсем иному — к господству богатых, власти золота.

Как ни жестоко карала якобинская диктатура отдельных крупных буржуа, спекулянтов, стяжателей, как ни властно вмешивалась она — политической максимумы, реквизицией и прочим — в сферу распределения, все же, оставив незатронутым частный способ производства, она не могла остановить роста экономической мощи крупной буржуазии, и в частности новой спекулятивной буржуазии. Якобинская диктатура нанесла сокрушительные удары феодализму, очистила Францию от феодальных пут и тем самым способствовала росту — стремительному, быстрому — капиталистических отношений, росту буржуазии, собственнических тенденций во всей общественной жизни страны. Отсюда — справа — от поднимавших голову буржуазии и собственнических элементов города и деревни — и шла главная опасность для якобинцев. До тех пор, пока оставалась реальной угрозой реставрации, новая спекулятивная буржуазия и все собственнические слои, выигравшие от разгрома феодализма, должны были покорно терпеть тяжелую руку якобинской диктатуры: только она могла предотвратить реальную опасность феодальной реставрации. Но когда после побед на фронте эта опасность миновала, буржуазия стала искать средства избавиться от тяготившего ее режима.

Тот же поворот, следуя за буржуазией, проделало зажиточное, а за ним и среднее крестьянство. Крестьяне не хотели больше ни реквизиций, ни поборов, ни жесткой экономической политики. Как справедливо писал Ф. Энгельс, «режим террора, прогнавший чужеземные армии и подавивший гражданскую войну, ни одному классу не пошел в такой мере на пользу, как крестьянам»³³. Но именно потому, что якобинская диктатура объективно «работала» на крестьянина, именно потому,

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 509.

что она в наибольшей мере способствовала созданию свободного класса крестьян, она стала помехой и обузой для крестьянина, как только эта задача была выполнена. Крестьянство хотело теперь воспользоваться в полной мере и без каких-либо ограничений плодами приобретенного за годы революции.

И именно поворот этих основных сил, и прежде всего буржуазии и собственного крестьянства, против якобинской диктатуры и имел решающее значение для ее судеб. Блок классовых сил, выступавших сообща, распался. Борьба внутри Комитетов летом 1794 г. была лишь внешним выражением распада якобинского блока. Поворот буржуазии и крестьянства против Революционного правительства предопределил его падение, сделал неизбежным 9 термидора. Крушение якобинской диктатуры, переворот 9 термидора явились, следовательно, результатом не конфликта между Революционным правительством и санкюлотами, а совсем иных процессов, о которых только что шла речь. Переворот 9 термидора был атакой на Революционное правительство справа. 9 термидора к власти пришла контрреволюционная буржуазия, хозяевами стали Баррасы, Фрероны, Тальены — правые термидорианцы³⁴.

А санкюлоты? Где были они в решающие часы революции? На чьей стороне они выступали? Уже почти сто лет в исторической литературе исследуют вопрос о роли парижских секций в дни 9—10 термидора, а расхождение мнений по этому вопросу остается все таким же значительным³⁵. Здесь было бы неуместным включаться в эту научную дискуссию по существу. Важно лишь отметить, что в эти смутные часы растерянности и дезориентированности простых людей в секциях, сбивших с толку взаимноисключающими приказами Конвента и Коммуны, санкюлоты Парижа, движимые революционным инстинктом, встали на защиту Революционного правительства, Робеспьера, Сен-Жюста. Можно предвидеть возражения: далеко не все санкюлоты поддержали Робеспьера и Коммуну, часть колебалась, часть выступила в поддержку Конвента. Да, конечно, это так, но могло ли быть иначе в сложившейся обстановке?

Анализируя поведение парижского плебейства 9 термидора, следует в центре внимания поставить не колебания, не сомнения секций, вполне объяснимые и понятные, а иное. Ведь выступление народа Парижа в защиту Революционного правительства политически не подготавливалось, не организовывалось, как в день 10 августа или 31 мая — 2 июня. Оно возникло спонтанно, в неблагоприятной обстановке, через три дня после введения максимума заработной платы рабочим, вызвавшего справедливое недовольство плебейства столицы. Ведь для того, чтобы освободить Робеспьера, Сен-Жюста и их друзей из заключения, чтобы поддержать восстание против Конвента, надо было обладать революционным инстинктом, революционным чутьем, и та часть санкюлотов, которая пришла на Гревскую площадь, показала и доказала, что и в последний свой час Революционное правительство при всех его ошибках, недостатках, просчетах оставалось для плебей-

³⁴ Как известно, так называемые «левые термидорианцы» — Колло д'Эрбуа, Билло-Варенн и др., игравшие такую активную роль 9—10 термидора и выдвинувшиеся в тот момент на первый план, фактически оказались, как это доказали последующие события, орудием в руках истинных хозяев — новой буржуазии, правых термидорианцев. Когда они перестали быть нужны, хозяева полностью исключили их из политической жизни, а затем и расправились с ними.

³⁵ См. Н. Кареев. Революционные комитеты парижских секций. СПб. 1913; его же. Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора. СПб. 1914; его же. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. СПб. 1914; E. Soreau. A la veille du 9 thermidor. P. 1933; A. Mathiez. Le maximum des salaires et le 9 thermidor. «Annales historique de la Révolution française». P. 1927, pp. 149—150; M. Eude. La Commune robespierriste. P. 1937; A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II; R. Cobb. Les armées révolutionnaires.

ства тем же, что и раньше,—своим правительством, революционной властью народа.

В дни 9—10 термидора многие современники событий, и в их числе даже самые пронзительные умы, ошибались в оценке значения и смысла происшедшего. В числе ошибавшихся был и Гракх Бабеф. Он тоже не мог сразу разобраться в том, что совершилось в стране, и рукоплескал «революции 9 термидора», с доверием принимал слова руководителей переворота, прятавших за звонкой фразой черные замыслы. Но двумя годами позже, в частном письме к Бодсону 29 февраля 1796 г., опубликованном в конце XIX в. Эспинасом, Бабеф писал: «Я должен сегодня признать свою вину в том, что когда-то видел в черном свете и Революционное правительство, и Робеспьера, и Сен-Жюста. Я убежден, что эти люди сами по себе стоили больше, чем все революционеры, вместе взятые, и что их диктаторское правительство было дьявольски хорошо придумано!» И он добавлял: «...Робеспьеризм — это демократия; эти два слова полностью тождественны»³⁶.

И эти мысли Бабефа важны для нас прежде всего тем, что они показывают, как глубоко и верно понимали прозорливые современники природу якобинской власти. Они видели в ней и диктатуру и демократию — то, что ныне, на языке XX века, обозначается словами: революционно-демократическая диктатура. И можно утверждать, что эти суждения Бабефа выдержали испытание временем. То было справедливое, правильное определение природы якобинской власти, и вряд ли нужно сегодня его менять или исправлять. Задача, видимо, в ином — в том, чтобы его лучше понять.

³⁶ А. Espinas. La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution. P. 1898, pp. 257—258.